

Глава 5. Братья

Поручив дела своим людям в Чжуанцзы, Ли Юнькэ замедлил шаг. По пути он задержался, чтобы уладить кое-какие личные вопросы, и в Инчжун вернулся лишь месяц спустя.

Кан Хуэй, прибывший в столицу первым, ждал его в беседке «Десяти ли» за городскими воротами. Сообщив, что всё из Чжуанцзы передали и дело устроено, он снова исчез, словно призрак.

Ли Юнькэ какое-то время неподвижно сидел в седле. Окинув взглядом свой безупречный наряд, он вдруг спрыгнул на землю, сорвал верхнее платье, скомкал его в бесформенный узел и, вновь встряхнув, натянул на себя.

Этого показалось мало. Он зачерпнул пригоршню пыли, подбросил её вверх и, зажмурившись, подставил лицо под оседающую серую взвесь.

Наконец Дуань-цинван остался доволен результатом. Вскочив в седло, он — пыльный, взъерошенный и изнурённый долгой дорогой — направился напрямик во дворец на аудиенцию к государю.

В Императорском кабинете Император Жунхун, Ли Юньшэнь, просматривал доклады.

Когда его личный евнух Сяо Бай-цзы доложил о прибытии брата, рука императора, державшая кисть, на мгновение замерла.

— Пусть войдёт, — негромко произнёс он.

Спустя минуту в кабинет стремительно вошёл Ли Юнькэ. Он преклонил колени перед письменным столом и склонил голову:

— Подданный брат приветствует Ваше Величество.

Вместе с его приближением Ли Юньшэнь ощутил волну холода, смешанную с едким запахом дорожной пыли. Невольно отстранившись, император оглядел неопрятный вид брата и с удивлением спросил:

— Как ты довёл себя до такого состояния?

Ли Юнькэ не спешил подниматься. Не поднимая глаз, он застыл в глубоком поклоне:

— Ваш слуга спешил с докладом и не успел заехать в поместье, чтобы привести себя в

надлежащий вид. Прошу Ваше Величество простить мне это нарушение этикета.

— Ладно, — отмахнулся Ли Юньшэнь, — забудь об этом. Встань и говори.

Ли Юнькэ медленно поднялся.

— Августейший брат, ваш слуга преследовал того лазутчика до самой горы Асуров, что близ города Лохуай, и там покончил с ним. Я могу с уверенностью подтвердить: по пути он ни с кем не контактировал и не имел возможности передать сведения. При нём не было найдено никаких писем. Однако, чтобы исключить любую случайность, я приказал сжечь его тело.

Ли Юньшэнь на мгновение задумался.

— Ты отлично справился. Позже я распоряжусь о твоём награждении.

— Благодарю, Ваше Величество, — Ли Юнькэ не стал скромничать, принимая милость как должное. — У вашего слуги есть ещё одна нижайшая просьба.

Ли Юньшэнь посмотрел на него без тени эмоций:

— Какая?

— Префект Лохуая также приложил немало усилий в этом деле...

— Ты хочешь, чтобы я наградил и его? — Ли Юньшэнь медленно встал. В его голосе не читалось ни гнева, ни одобрения. — Его чин не позволяет ему знать о подобных вещах. Почему же тебя это нисколько не удивляет?

Ли Юнькэ ответил со всем почтением:

— Все мы лишь исполняем волю Вашего Величества на благо династии Чэннин. Кому дозволено знать, а кому нет — разве это не решается одним лишь вашим словом?

Ли Юньшэнь кивнул, кажется, вполне удовлетворённый таким ответом.

— Августейший брат, спустившись с горы, я планировал отдохнуть пару дней у господина Вана, — продолжил Ли Юнькэ. — Но среди ночи вдруг подумал, что дело не терпит отлагательств и Ваше Величество, должно быть, пребывает в беспокойстве. Поэтому я немедленно пустился в обратный путь. В спешке я не успел предупредить префекта Вана, и он, должно быть, места себе не находит от тревоги. Как полагает Ваше Величество, стоит ли мне написать ему письмо с извинениями?

Ли Юньшэнь пренебрежительно хмыкнул:

— Ты — Великий князь крови, и собираешься извиняться перед каким-то префектом? Где же твоё достоинство члена императорской семьи? Ладно, хватит об этом. Вели своим слугам прислать во дворец чистую одежду и отправляйся в Сад блистательной росы — хорошенько вымойся. Матушка-императрица всё утро справлялась о тебе. Приведи себя в порядок и навести её.

Ли Юньшэнь и Ли Юнькэ были родными братьями, рождёнными одной матерью, но никакой братской привязанности между ними не существовало. Они лишь сохраняли видимость приличий, пока Вдовствующая императрица была жива.

Это была единственная причина, по которой Ли Юнькэ до сих пор не выставили из столицы. Он прекрасно понимал, насколько подозрителен и осторожен его венценосный брат.

Ли Юньшэнь был четвёртым сыном покойного императора, а Ли Юнькэ — самым младшим. Разница в возрасте между ними составляла двадцать лет. Император Жунхун по природе своей был человеком мнительным; было бы глупо верить, что он ни капли не сомневается в своём повзрослевшем брате. К тому же Наследный принц, ровесник Дуань-циньюана, значительно уступал тому в авторитете, что лишь подпитывало опасения государя.

Сдерживаемый сыновним долгом и любовью матери к младшему сыну, император не мог открыто давить на брата, но тайные притеснения и ловушки не прекращались ни на день.

Ли Юнькэ всё это видел. Но он никогда не пытался клясться в верности, зная, что это лишь усилит подозрения.

Ему исполнилось двадцать семь, а он до сих пор не был женат — и это тоже был стратегический ход. Он не хотел оставлять наследников, чтобы не давать Ли Юньшэню лишних поводов для раздумий. По крайней мере, в этом вопросе подозрительный император мог быть относительно спокоен.

Если отсутствие жены и детей у Дуань-циньюана облегчало жизнь императору, то для Вдовствующей императрицы это было вечной головной болью.

За ужином братья сопровождали мать. Старая госпожа, которой в следующем году должно было исполниться семьдесят, пребывала в прекрасном расположении духа. Увидев Юнькэ, она не отпускала его ни на шаг, перечисляя дочерей сановников, достигших брачного возраста.

Ли Юнькэ, разумеется, отвечал, что никто ему не мил. Он в очередной раз пустил в ход сказку о том, что ещё слишком молод и не хочет, чтобы жена ограничивала его свободу. Старушка тут же начала приводить в пример Наследного принца, у которого уже подрастали свои сыновья, и весь вечер ворчала, что младший сын совершенно не думает о будущем.

Лишь в такие моменты Ли Юньшэнь принимал сторону брата, мягко убеждая мать не торопиться и дать Юнькэ ещё несколько лет свободы. Вдовствующая императрица лишь ворчала, что к тому времени сама уже будет лежать в земле, но при этом с любовью подкладывала младшему сыну в тарелку его любимые яства.

Ли Юнькэ втайне вздохнул. Его тактика работала: по крайней мере, перед матерью они всё ещё могли разыгрывать комедию братской любви.

Когда он покинул дворец, на город уже опустилась глухая ночь. Ли Юнькэ потёр ноющие виски. День выдался утомительным; единственным желанием было поскорее вернуться домой, принять горячую ванну и лечь спать.

Дни, когда он мог наслаждаться покоем в своём поместье, были сочтены, и он не хотел тратить время впустую. Его ждала большая, уютная кровать.

Но нашелся тот, кто нарушил его планы. Едва Ли Юнькэ, окутанный влажным паром после купания, вошёл в спальню, он увидел Кан Хуэя.

Ли Юнькэ замер.

«Целый вечер слушать нотации о женитьбе, а потом обнаружить в собственной спальне вот это?»

Ли Юнькэ окинул подчинённого долгим взглядом.

— Ты, конечно, собой недурен, — протянул он, — но, увы, совершенно не в моём вкусе.

В комнате не горели свечи, и Кан Хуэй, не видя выражения лица господина, растерянно переспросил:

— Что?

— Зачем пришёл? — Ли Юнькэ прошёл вглубь комнаты, небрежно скинул халат на стул и опустился на мягкую постель.

— Ван Шуанью понял, что его гонец пропал, — доложил Кан Хуэй. — Хотя он и не догадывается, что мы его убрали, он уже отправил новое письмо. Снова перехватывать?

— Один раз — случайность, дважды — уже подозрительно, — Ли Юнькэ покачал головой. — Оставь. Пусть письмо дойдёт до адресата.

Кан Хуэй засомневался:

— Но ведь...

— Боишься, что он мне навредит? — Ли Юнькэ усмехнулся. — Ван Шуаньфу не дурак. Узнав, что я прибыл в столицу раньше его послания, он легко догадается, что именно я сказал государю. Он знает характер императора, а потому просто перепишет содержание письма, подстраиваясь под мои слова. Впрочем, неважно, что он там напишет. Его донесение пришло слишком поздно. Августейший брат уже начал сомневаться, и теперь он не поверит префекту до конца, что бы тот ни сочинил.

Кан Хуэй подумал и согласился. Уловив в голосе господина усталость, он поспешил откланяться:

— Простите, что помешал отдыху. Ухожу.

Когда он скрылся, Ли Юнькэ наконец растянулся на кровати. Но, несмотря на изнеможение, сон не шёл.

«Неужели и впрямь стоит найти кого-то, чтобы коротать эти бесконечные ночи?»

Ли Юнькэ задумчиво потёр лицо. Внезапно в памяти всплыла та ночь на горе Асуров, проведённая с Наньгун Сюанем, и он почувствовал, как по телу разливается знакомое тепло.

Он негромко рассмеялся, решив самостоятельно унять это беспокойство, и в голове промелькнула ироничная мысль:

«Если я не хочу оставлять наследников, то супруг мужского пола — идеальный вариант, не так ли?»

Предсказание Ли Юнькэ сбылось: спокойная жизнь продлилась недолго.

Спустя пять дней, на исходе часа Быка, во дворец доставили молниеносный военный рапорт. Срочное известие вырвало императора Жунхуна из объятий сна и заставило немедленно созвать совет. Утреннее собрание началось раньше срока.

В рапорте сообщалось: полмесяца назад королевство Цюцзюэ внезапно атаковало западную границу. Нападение застало гарнизон Чэннин врасплох. В суматохе боя небольшому вражескому отряду удалось прорваться сквозь заслон. Противник уже находится на территории империи и, по предварительным данным, держит путь к столице, Инчжуну, замышляя диверсию.

Десятилетия мира подошли к концу. У кого-то наконец лопнуло терпение.

Ли Юньшэнь долго молчал, сидя на троне. Он понимал: сейчас худшее время для войны. На западе отношения с Цюцзюэ окончательно испорчены, на севере Бэймо только и ждёт повода для удара, а на юге связи с тридцатью шестью округами Цансюнь были подобны его отношениям с братом: внешнее согласие при глубокой внутренней вражде.

Стоило ввязаться в полноценную войну с Цюцзюэ, и Бэймо с Цансюнь не преминули бы воспользоваться моментом. Несмотря на всю мощь империи Чэннин, Ли Юньшэнь не был уверен, что сможет усмирить всех троих разом. Но больше всего его уязвляло то, что и Цюцзюэ, и Бэймо, и Цансюнь сотню лет назад были частью империи, землями, которые по праву принадлежали его предкам.

Ли Юньшэнь уже не был молод. Пылкое желание объединить все земли, горевшее в нём при восхождении на престол, давно угасло. Теперь он хотел лишь одного: удержать власть и благополучно передать её Наследному принцу. Войну же лучше доверить тем, кто моложе.

Приняв решение, он сухо произнёс:

— Цюцзюэ уже отвели основные войска от границ, так что не будем усложнять. Говорите, прорвавшихся всего полсотни? Дуань-циньюан, я даю тебе сотню отборных воинов. Найди их и уничтожь.

<http://bllate.org/book/17433/1662322>